

УДК 94(37)

**NE POPULUS POST TE NILUM ROMANUS AMARET:
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДОПЛЕКЕ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА НИЛА
В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ**

© 2020 г.

М.С. Чисталев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

marcus7@mail.ru

Поступила в редакцию 25.08.2020

Рассматривается зависимость образа Нила в римской литературе от исторических событий конца I в. до н.э. Отмечается, что представления о Ниле носили противоречивый характер: с одной стороны, Нил становится экзотическим пространством, которое, в свою очередь, является частью воображаемого (фантазийного) Египта, восхищавшего римлян; с другой стороны, в рамках новой имперской идеологии Нил отождествляется со злейшим врагом Рима – Клеопатрой, олицетворяя угрозу Риму. Делается вывод, что в исследуемый период, особенно в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., восприятие Нила римскими писателями основывалось, скорее, не на личных впечатлениях от созерцания окружающего мира, а на определенных литературных топосах и идеологических клише.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, Нил, римская литература, египетская культура, восприятие иноземной культуры.

Уникальная Нильская долина с ежегодными разливами, приносящими плодородный ил, вызвала удивление и восхищение во всем Средиземноморье. Наряду с другими символами, такими как Великие пирамиды, обелиски, храмовые комплексы, Нил в античном мире становится топосом египетской культуры и, даже в определенной степени, синонимом самого Египта. Безусловно, римские представления о Ниле тесно связаны с более обширной темой кросс-культурных контактов между Египтом и Римом и восприятием египетской культуры в римском обществе. Это, в свою очередь, ставит визуализацию образа Нила в зависимость от определенных исторических обстоятельств, повлиявших на процесс формирования данного образа. Гражданские войны, падение республики и установление принципата стали своего рода рубежом, отголоски которого, связанные с убийством Помпея, отношениями Клеопатры с Цезарем и Антонием, а также сражением у м. Акций (и как следствие, завоеванием Египта), еще долго преследовали римское общество. Именно поэтому рассмотрение образа Нила в римской литературе сквозь призму конкретно-исторических обстоятельств будет способствовать пониманию процессов формирования римской идентичности в контексте укрепления Рима как мировой державы.

Общая историческая ситуация, сложившаяся в отношениях Египта и Рима еще в конце I в. до н.э., накладывала серьезный отпечаток на литературные произведения эпохи. Поэзия эпохи Августа стремилась преобразовать в умах об-

щественности де-факто гражданскую войну против Марка Антония и его сторонников в *bellum externum* против Клеопатры, царицы Египта [1, с. 249], которая изображалась как демоническая женщина, завлекшая в свои сети и погубившая благородного, но чрезмерно увлекающегося римского полководца [2, с. 274].

«Глашатаи идеологии нового режима» [3, с. 326] (Гораций, Вергилий, Овидий, Проперций) в своем желании подчеркнуть масштаб опасности, угрожавшей Риму, часто старались создать образ Клеопатры как исконно египетской царицы, не упоминая о ее греческом происхождении [4, с. 72]. Клеопатра олицетворяла собой Египет [5, р. 206], и, разумеется, все негативные послы в ее адрес сказывались на отношении к Египту в целом. Однако следует отметить, что в пропаганде Августа мы можем констатировать желание очернить не столько сам Египет как таковой, сколько Египет как государство, подвластное царице Клеопатре, объявленной врагом Рима [4, с. 74]. И именно с этой позиции нужно концептуально рассматривать образ Египта в литературе конца I в. до н.э.

Несмотря на то что в *Res Gestae* Август декларирует присоединение Египта к власти римского народа¹ (RG 27.1), ввиду особого экономического и стратегического положения он вводит запрет на посещение новой провинции сенаторами без личного разрешения императора и ставит во главе всадника (Tac. Ann. II. 59; Tac. Hist. I. 11; Dio Cass. LIII. 13. 2).

О негативном отношении Августа к Египту можно судить в том числе по описанию инци-

дента, о котором пишет Дион Кассий: «он осмотрел тело Александра и прикоснулся к нему... Однако он так и не взглянул на останки Птолемея (хотя александрийцы очень хотели ему их показать), сказав, что хотел видеть царя, а не мертвецов» (Dio Cass. LI. 16. 5. Пер. А.В. Махлаюка). Кроме того, Август отказался посетить храм Аписа, заметив, что он почитает богов, а не крупнорогатый скот (Dio Cass. LI. 16. 4–5). П. Ламбрехтс утверждал, что отношение Октавиана к египетским культам значительно изменилось за период между 43 и 10 гг. до н.э. Несмотря на то что политику Октавиана всегда определяла сдержанность и гибкость, в том числе и по отношению к египетским религиозным традициям, по мнению Ламбрехтса, за этот период его отношение стало более враждебным [6, с. 18]. О наличии глубокой антипатии к египетским культам у Августа пишет и М. Рейнхолд [7, р. 99].

По мнению Г. Дандаса [8, р. 433–434], подобное поведение Августа обусловлено желанием продемонстрировать своим новым подданным, что он прежде всего правитель мировой державы, а не очередной царь Египта. Что касается его неприятия культа Аписа, то эти действия должны были недвусмысленно дать понять мемфисскому жречеству, что его роль будет значительно меньше, чем это было при Птолемеях. Как подчеркивает Г. Дандас, поведение Августа для жителей Египта означало, что наступает «новая эра, где их государству отведена роль лишь провинции в составе огромной Римской империи» [8, р. 442].

Именно события конца 30-х гг. до н.э. стали основополагающими в представлении о Египте в литературе эпохи Августа. Это не удивительно, учитывая, что египетская тематика стала «козырной картой» в руках Октавиана в его борьбе с Марком Антонием [4, с. 51]. Кроме того, именно на правление Октавиана Августа пришелся расцвет творчества великих римских поэтов: Горация, Вергилия, Овидия, Проперция. И.Ш. Шифман подчеркивал, что, создав через Мецената свой литературный кружок, Октавиан сумел «превратить крупнейших и авторитетнейших писателей эпохи в рупор тех общественных идей и настроений, которые были нужны режиму, являлись его идеологическим фундаментом» [9, с. 148; 10, р. 255]. Политическая благонадежность поэтов литературного кружка Мецената в историографии неоднократно связывалась с «меркантильными интересами» или страхом перед наказанием за «альтернативный» взгляд на события эпохи². Однако мы не можем считать поэзию эпохи Августа исключительно придворной, равно как было бы

неверным утверждать, что главным ее содержанием являлось восхваление Октавиана по его собственному приказу. Скорее, можно говорить о том, что Август и его окружение всячески стремились обратить внимание на гражданские мотивы своих поступков, и поэты охотно пропагандировали идеи, оправдывающие его деятельность [14, с. 581].

Таким образом, в основе поэзии эпохи Августа лежало два обвинительных по отношению к Антонию и Клеопатре утверждения: 1) Антоний, оказавшись под влиянием своей «жены-египтянки» (Aegyptia coniunx. Verg. Aen. VIII. 688), предал интересы Рима и 2) влиятельная египетская царица (а вместе с ней и Антоний) является угрозой для Рима. Экфрасис Вергилия со сравнением «чудищ-богов» и псоглавого «Анубиса с оружием»³, выступавших против римских богов Нептуна, Венеры и Минервы (Verg. Aen. VIII. 699), а также одновременно унижительное и устрашающее обозначение Клеопатры в оде Горация «роковым чудовищем» (fatale monstrum – Hor. Od. I. 37. 21) являются примерами применения этих утверждений на практике [15, р. 6].

Подобный враждебный контекст по отношению к Египту в целом сказался и на описании Нила. Вергилий рисует Нил траурным, горюющим о побежденной Клеопатре и ее муже⁴:

*«А напротив горюет Нил:
одежды свои на груди распахнул он широкой,
Кличет сынов побежденных к себе на лазурное лоно»*

(Verg. Aen. VIII. 711–713. Пер. С.А. Ошерова).

Негативный окрас Нила сохраняется и в «Георгиках», где Вергилий именует его «кипящим войной» (undantem bello magnumque fluentem Nilum. – Verg. Georg. III. 28–29).

Проперций, называя Клеопатру царицей, сразу же добавляет, что она «развратная тварь», правительница «канопского блуда» (scilicet incesti meretrix regina Canopi), чье появление стало черным пятном в роду прославленных Македонских царей (una Philippeo sanguine adusta nota. – Prop. III. 11. 39–40). С нескрываемой ненавистью он указывает, что Клеопатра не раз принуждала Тибр терпеть угрозы Нила (et Tiberim Nili cogere ferre minas. III. 11. 42), однако все закончилось для нее плачевно: и «все же на руки ее римлянин цепи надел» (III. 11. 52. Пер. Л.Е. Остроумова). Как итог столь оскорбительных для римлян действий со стороны Египта – плененный Нил⁵ становится символом триумфа Августа (aut canerem Aegyptum et Nilum, cum attractus in urbem septem captivis debilis ibat aquis. – II. 1. 31–32). Само же завоевание Египта с идеологической точки зрения рассматривается как прекращение хаоса.

Политическая направленность в литературном образе Нила не потеряла своей актуальности и в середине I в. н.э. Представления Марка Аннея Лукана о Египте в целом во многом схожи с представлениями Вергилия, он адаптирует их к своей основной теме: смерти Помпея и упадку старой республики [16, р. 211]. Большое влияние на Лукана оказало стоическое учение, одним из виднейших представителей которого был его дядя Сенека. Благодаря популярности стоической философии среди римской знати, идеализировавшей республиканские традиции и восхвалявшей своих легендарных предков, у оппозиционно настроенной части сенаторского сословия появилась серьезная идеологическая основа, требовавшая исполнения долга и жертвования всем, включая собственную жизнь, на благо родного отечества.

Будучи пламенным врагом деспотизма римских императоров, Лукан вводит в свою поэму образы, непосредственно связанные с жизненными интересами римской оппозиции Нерону [17, с. 253]. При этом важно отметить, что Нерон не скрывал свою симпатию к эллинистическим и восточным мистериям и, как подчеркивает М. Чезаретти, на протяжении всего своего правления проявлял устойчивый интерес к египетской культуре, больше напоминая «египтоманию» [18, р. 43–65].

Нерон некоторое время покровительствовал Лукану, но его благосклонность была недолгой [19, р. 7–10; 20, р. 75–78; 21, р. 199–211; 22, р. 135–140]. С большой долей вероятности можно предположить, что подозрительное отношение Нерона к Лукану было вызвано как раз работой последнего над поэмой «Фарсалия», в которой, несмотря на лесть в адрес императора во вступительной части, симпатии автора были на стороне противников Нерона.

Уделяя значительное внимание рекам различных регионов (от Италии до Египта), Лукан проявляет наибольший интерес именно к Нилу, поскольку с ним связана тема убийства Помпея [23, р. 199]. Как верно отметила Кристина Вальде [24, р. 13–48], для Лукана Нил был своего рода «местом памяти», хранившим в себе исторические события региона.

Для Лукана Нил – это кровавая река (qua mare Lagei mutatur gurgite Nili – I. 684; flesset et infando pollutus sanguine Nilus – VI. 307), поэтому и выпады в его адрес полностью оправданы. Называя Египет «роковой землей» (noxia civili tellus Aegyptia fato – VIII. 823), Лукан пишет, что, согласно древнему оракулу, ни один солдат не должен касаться нильской воды и берегов реки (cautum, ne Nili Pelusia tangeret ora – VIII. 825–826). При этом он подчеркивает, что

невозможно найти проклятия за преступления, в которых повинен Нил, и в связи с этим желает, чтобы долину Нила постигла невероятная засуха:

«Злая земля, где проклятий сыскать за твои преступления?»

Воды пусть Нил отвертит и задержится там, где родился,

Поле бесплодное пусть о зимних дождях затоскует,

Пусть тебя всю занесет песок Эфиопии зыбкий»

(Phars. VIII.827–830. Здесь и далее – пер. Л.Е. Остроумова).

Лукан умело добавляет своим персонажам необходимый эмоциональный настрой: так, Корнелия, супруга Помпея, утверждает, что именно Нил забрал у нее мужа (IX.83). Автор вкладывает в уста старшего сына Помпея, мечтающего отомстить за смерть отца, угрозы вырвать правителей Египта из их гробниц и выбросить их останки в Нил, чтобы они были поглощены речной пучиной (non mihi pyramidum tumulis evolsus Amasis atque alii reges Nilo torrente natabunt – IX.155–156).

Однако Лукан связывает Нил не только со смертью Помпея, но и с отношениями Цезаря и Клеопатры, называя их связь постыдной нильской любовью (tempora Niliaco turpis dependit amoris – X. 80). Вероятнее всего, Лукан здесь подразумевает путешествие Цезаря и Клеопатры по Нилу, о котором писали Светоний (Suet. Jul. 52.1) и Аппиан (App. B. civ. II. 90).

Именно дары Нила подчеркнута становятся главным блюдом во время пиршества царицы Египта и Цезаря в Александрии в 48 г. до н.э., при этом Лукан особо подчеркивает и свое неприятие религиозных традиций Египта:

«В золоте яства лежат, что дали земля или воздух,

Море иль Нила поток, что суетной роскоши пышность

В ярости жадной своей отыскала по целому миру

Не из-за голода; здесь и птицы, и звери, в Египте

Чтимые как божества...»

(X.155–159).

Египетская река для Лукана также является целью имперского доминирования Рима. Сокрушаясь о последствиях гражданской войны, он пишет, что если бы не было этой кровавой распри, то под иго Рима склонился бы и народ, «свидетель рождения Нила» (sub iuga... et si gens si qua iacet nascenti conscia Nilo – I.19–20). Как подчеркивает Джеймс Ромм, Лукан подчеркивает идею новых завоеваний на благо римского общества, но при этом осуждает заво-

евания, если они являются объектом деспотичной мании величия [25, p. 155].

В своем желании навсегда установить устойчивый стереотип в виновности Нила в смерти Помпея Лукан даже пишет, что его тень спасла Цезаря от смерти в результате заговора, целью которого было искупление в глазах римского народа злодеяния египтян:

«Или мемфисский клинок победителю голову срубит,

Как побежденную снял? Твоя тень помогала, Великий,

Тестю; и маны твои его охраняли от смерти,

Чтобы и после тебя не любили латиняне

Нила»

(X.5–8).

Повествование о Ниле у Лукана меняется в диалоге Цезаря с египетским жрецом (X. 173–331). После детального описания пышного банкета, устроенного Клеопатрой для Цезаря, Лукан вводит жреца Ахорея. Цезарь просит его рассказать об истории, обычаях и философии Египта, после чего диалог двух персонажей поэмы превращается в монолог Ахорея, повествование которого обращено больше к читателю, нежели к самому Цезарю. Э. Манолараки называет монолог Ахорея «самым внушительным и самым торжественным описанием Нила» [26, p. 116], однако это утверждение выглядит достаточно спорным, что мы попытаемся продемонстрировать далее.

Цезарю было любопытно разрешить загадку Нила – популярный в античности предмет споров, и Лукан гармонично включил его в свой текст [27, p. 36]. Устами Ахорея Лукан обвиняет Цезаря в сокрытии истинных замыслов, которые стоят за его желанием узнать подробнее об истоках Нила. В качестве иллюстрации он приводит в пример целый ряд правителей, включая Александра Великого (X.268–277), желавшего испытать из источников Нила (Nilumque a fonte bibisset – X.40). По сути, Ахорей обличает имперские устремления Цезаря, которые, по его мнению, закончатся крахом последнего⁶. Очевидным подтекстом в этом отрывке идет осуждение Нерона, который, по сообщениям Сенеки (Sen. Q. Nat. VI. 8. 3–4) и Плиния Старшего (Plin. NH. VI.181), также снаряжал экспедицию в верховья Нила. Тем не менее ответ на вопрос Цезаря не предполагает какую-то точную формулировку, которая удовлетворила бы собеседника, напротив, по словам Ахорея, ни одно из племен не извело славы считать Нил своим (et nulli contingit gloria genti ut Nilo sit laeta suo – X. 284–285).

Разумеется, Ахорей как рассказчик является лишь второстепенным персонажем в поэме [17, с. 289], тем не менее его роль построена таким

образом, что он напрямую общается с одним из главных действующих лиц – Цезарем. Следует отметить еще несколько важных особенностей: во-первых, монолог Ахорея является самым длинным в поэме; во-вторых, только Ахорей и сам автор обращаются с речью непосредственно к Нилу; в-третьих, Лукан называет Ахорея «святым» (sacer – X.193), при том что «святым» он также именуется и труд поэтов (o sacer et magnus vatum labor – IX.980), а это, в свою очередь, позволяет с осторожностью предположить, что устами Ахорея Лукан мог выражать преимущественно свою точку зрения.

Связывая Нил со смертью Помпея, Лукан сужает воспринимаемое читателем пространство Нила фактически до его Дельты и лишь изредка дает понять, что его реальные географические рамки простираются значительно южнее вплоть до Сиены и границы с Нубией (VIII. 851)⁷. В X книге все меняется: он не только описывает различные варианты истоков реки, но и ее маршрут с Юга на Север с периодическими поворотами русла то к Востоку, то резко на Запад (cursus in occasus flexu torquetur et ortus – X.290), вплоть до Мемфиса (X. 330). Остановив путь Нила в Мемфисе, Лукан не только игнорирует наличие Дельты, в которой расположены Александрия, связанная с Цезарем, и Пелуссий, ассоциировавшийся с убийством Помпея, но и напоминает читателю о происхождении самого Ахорея (VIII. 477–478). Символическое значение конечной точки определяется самим местом, которое Лукан называет хранителем Нила и его разлива (hunc genuit custos Nili – VIII.477–478).

Позитивное на первый взгляд описание географических границ Нила, отсылки к многочисленным народам, населяющим его берега, в действительности являются попыткой Лукана разрушить устоявшийся в античном мире топос, связывавший Нил исключительно с Египтом⁸. В целом путь Нила в Десятой книге *Bellum Civile* представляется Луканом как пространственно-временное⁹ путешествие, начальная точка которого находится где-то на экваторе, а конечная точка – остановка в шаге от того, чтобы Нил снова получил политически выраженный негативный окрас.

Умело используя свои поэтические монологи, Лукан пытается объединить события более чем столетней давности, отсылающие читателя в республиканское прошлое Рима, с реалиями нероновского времени¹⁰. Лукан формирует представления о Ниле посредством активного привлечения римских персонажей, и, соответственно, географические особенности он во многом рассматривает через призму историко-

политических реалий, т.е. для Лукана Нил – это, в первую очередь, «Нил Помпея», и такое символическое значение оправдывает любые выпады как в сторону Нила, так и в сторону Египта в целом.

Э. Манолараки приходит к выводу, что на протяжении всей поэмы Лукан пытается представить Нил одновременно как арену для римских внутривосточных распрей, уже ставших частью истории, и как природный (географический) феномен [26, р. 46]. Однако согласиться с подобным выводом достаточно сложно. Мы не находим у Лукана действительного знания или интереса к египетской религии и культуре. В его труде можно проследить общее предвзятое мнение о Египте, которое он часто заимствует у других римских авторов, и таким образом пытается представить Помпея как великого героя с трагической судьбой.

На первый взгляд, в X книге *Bellum Civile* Нил у Лукана становится не столько воплощением постыдных деяний прошлого, сколько живой силой, которая орошает и ливийский песок, и эфиопские поля (X. 291–294), но это не восторженная ода Нилу или восхищение его могуществом, а показательная иллюстрация того, что желающие править всем миром столкнутся с сильнейшим противодействием, которое в метафорической форме выражено в виде стихии, неподконтрольной ни одному правителю в истории. Таким образом, весь монолог Ахорея можно назвать антиимперским манифестом, который следует понимать как противопоставление Нерону, увлеченному египетской культурой.

Важно учитывать еще один немаловажный аспект: тот негативный образ Нила, который в пропагандистской литературе [37, с. 3] Августа четко ассоциировался с Клеопатрой и ее угрозами Риму, а в поэме Лукана был неотъемлемой частью убийства Помпея, бытовал одновременно со значительно более архаичными (ведущими свое начало еще от греческих авторов) представлениями о Ниле как экзотической реке, связанной с египетскими религиозными воззрениями. Этот образ Нила в литературе эпохи Юлиев-Клавдиев имел принципиально иную концептуальную основу, не политизированную, не отягощенную историческими обстоятельствами недавнего прошлого. Наряду с Нильскими сценами, литературный образ долины Нила часто становится даже своеобразным *locus amoenus* – представлением об идеализированном месте на земле, где человек существует в абсолютной гармонии с природой. Так, в «Георгиках» Вергилий без всякой иронии¹¹ пишет, что восхищается жизнью в долине реки:

«Там, где счастливый народ живет, в Каноне Пеллейском,

Около Нила, что степь затопляет в пору разлива,

Там, где селяне к полям подъезжают в расписанных лодках,

Где постоянно грозит стрелоносного парфа соседство,

Там, где, черным песком удобряя зеленый Египет,

На семь делясь рукавов, медлительно катится к морю

Мощная эта река, у индов смуглых начавшись¹²»

(Verg. Georg. IV. 287–294. Пер. С.В. Шервинского).

Едва ли какой-либо античный автор периода Юлиев-Клавдиев может сравниться со Страбон по объему материала, связанного с описанием Нила¹³. Страбон, путешествовавший по Египту вместе с префектом Элием Галлом, посещал в Нижнем Египте Гелиополь, Мемфис, Великие пирамиды, далее, поднимаясь вверх по Нилу, останавливался в Фивах, а также побывал и на западном берегу у так называемых Колосов Мемнона (Strabo XVII. 1. 29; 30; 33; 46). Их путешествие продлилось вплоть до Сиены и границы с Нубией (Strabo II. 5. 12). Его повествование отличается точность описаний и уважительное отношение к победе Августа в противостоянии с Антонием и Клеопатрой. Безусловно, весь его труд написан с проримской позиции.

Уже в самом начале своей XVII книги Страбон дает описание местоположения Нила, его протяженности, причем не только на территории Египта, но и вплоть до Эфиопии (XVII. 1. 2, 3). Он подробно останавливается на дельте Нила, рассказывая об ее устьях, а также о последствиях разлива реки для экономики Египта (XVII. 1. 4). Страбон при этом не забывает отмечать заслуги римлян в укрощении стихии, с которой сами египтяне справиться не могли. Показательным примером служит история с голодом в Египте, наступавшим, если Нил во время разлива поднимался лишь на 8 локтей, который удалось побороть только в бытность префектом Египта Публия Петрония (XVII. 1. 3). Именно поэтому Страбон называет Египет провинцией, которой управляют «благоразумные люди – префекты» (XVII. 1. 12).

Для Страбона Нил – это, по сути, и есть Египет. Он пишет: «Одним словом, Египет состоит только из речной области, именно из самого крайнего ее пространства по обеим сторонам Нила, которая, начинаясь от границ Эфиопии и простираясь до вершины Дельты, редко где-либо занимает непрерывно обитаемое пространство шириной в 300 стадий¹⁴ (XVII. 1. 4. Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского). Он

предпринимает попытки описать причины ежегодного разлива Нила, но в итоге, предложив читателю несколько вариантов, отказывается от обсуждения этого вопроса, т.к. «им занимались уже многие писатели» (XVII. 1. 5), хотя в последующем еще не раз так или иначе возвращается к этой теме.

Как верно отметил Г.А. Стратановский, «География» предназначена быть чем-то вроде справочника для римских правителей (и в конечном счете адресована императору), Страбон во всем, что касается современности, придерживается официальной точки зрения» [43, с. 789]. В целом, избегая острых оценочных характеристик самого Нила, Страбон представляет «колониальный» взгляд на географию новой провинции с позиции римского подданного. Однако он проявляет искренний интерес не только к истории, но и к географии долины Нила.

Экзотическое описание Египта дает и Альбий Тибулл, который, будучи приближенным республиканца Валерия Мессаллы Корвина, не поддерживал критические постулаты своих современников:

*«Как в пламенеющей зной, когда Сириус
землю терзает,*

*Нил благодатный несет вод своих летний
разлив?*

*Нил-прародитель! Твои описать я сумею ль
истоки,*

*Молвить, в каких рубежах ты укрываешь
главу?*

*Лишь по щедротам твоим долины не тре-
буют ливней,*

Не вопиют о росе травы сухие к богам.

Вечную славу поют, тебя и Озириса славят»
(I. 7. 21–27. Пер. Л.Е. Остроумова).

Тибулл подчеркивает невероятное плодородие, которое несет с собой разлив Нила, попутно прославляя достижения Осириса в сельском хозяйстве и виноделии (I. 7. 35–38). Он характеризует Осириса как бога празднеств с песнями, танцами и беззаботной любовью [44, р. 94]. В действительности это представление очень сильно отличается от египетского образа Осириса как бога загробного царства, но, по всей видимости, римские поэты эпохи Августа практически ничего не знали об Осирисе, кроме того, что он был связан с возрождением или жизнью после смерти [45, s. 133–134], при этом сам Тибулл подчеркивает взаимосвязь Осириса с Нилом¹⁵.

Современная историография по-разному оценивает причины, по которым Нил и египетская религия не выглядят отталкивающими в представлении Тибулла, а, наоборот, представляются удивительным феноменом из далекой и

непонятной страны. Если М. Путнэм видит причину в отсутствии у Тибулла интереса к политике [47, р. 146], то Майкл Ламберт считает, что элегии Тибулла имеют выраженную проимперскую агитацию [48, р. 47–60], поскольку триумф Мессаллы обеспечивает богатство Египта во благо Рима. Таким образом, по его мнению, произведение укладывается в основную идеологическую линию поэзии эпохи Августа. Аналогичного подхода придерживается и Пит Шрайверс [49, р. 238–239].

Важно отметить, что почтительное отношение Тибулла к Нилу не мешает ему считать египтян варварами, «возносящими плач над мемфисским быком» (I. 7. 28)¹⁶. Как считает Э. Манолараки [26, р. 35], элегия Тибулла четко иллюстрирует противоречивость концептуальных представлений о Египте в римском обществе. Однако негативный подтекст в этом случае не столь очевиден¹⁷. По мнению Ива Дауге [52, р. 162], варвары Тибулла скорее выглядят причудливыми иноземцами, нежели дикарями, поклоняющимися крупнорогатому скоту. Аналогичного мнения придерживаются Е. Хамелрик и К. Смелик [53, р. 1958]. Для них поклонение животным в интерпретации Тибулла служит удивительным феноменом далекой страны, а не иллюстрацией нелепых религиозных культов.

Для другого поэта эпохи, Публия Овидия Назона, Египет представлял сложный калейдоскоп истории, мифологии и религиозных традиций. В «Метаморфозах» он описывает появление живых существ на основе мифологических представлений о зарождении жизни вследствие нильского разлива:

*«Разных по виду потом животных своим из-
воленьем*

*Вскоре земля родила, когда разогрелась от
солнца.*

*Сырость прежняя, ил и болотная липкая
влага*

*Стали от зноя вспухать, и зародыши всяче-
ской твари,*

*Вскормлены солнцем живым, как в мате-
ринской утробе,*

*В них развивались и свой принимали со вре-
менем облик.*

*Так, покинет едва семиустый влажные нивы
Нил и течение свое предоставит прежнему
руслу,*

*И под светилом небес разогреется ил нане-
сенный,*

*Много животных тогда хлебопашцы нахо-
дят под каждым*

*Камнем земли: одних в зачаточном виде, при
самом*

*Миге рожденья, других еще при начале раз-
виться,*

*Вовсе без членов, и часть единого тела не-
редко*

*Жизнь проявляет, а часть остается землей
первобытной»*

(Ov. Met. I. 416–429. Пер. С.В. Шервинского).

В другом отрывке «Метаморфоз», используя сюжет древнегреческой мифологии, Овидий описывает Нил как убежище для Ио, которая именно на берегах Нила вернула себе человеческий облик (Met. I. 727–747). Овидий не пытался искать недостатки в поклонении животным или высмеивать египетские традиции. Напротив, он обращается к богине Исиде с просьбой об исцелении его возлюбленной Коринны:

*«Матерь Исиды, чей край — плодородные
пашни Канона...*

*Систром твоим заклинаю тебя и Анубиса
ликом...*

*Жизнь госпоже возврати, мне же — она
возвратит»*

(Ov. Am. II. 13. 6–16. Пер. С.В. Шервинского).

В целом нельзя сказать, что Овидий испытывал особое почтение по отношению к египетской культуре, религиозным традициям. Для него использование известных римлянам типично египетских имен и географических объектов было скорее попыткой заимствования популярных образов для привлечения читательской аудитории [54; 55, p. 48–53].

Еще один современник Августа, римский архитектор, автор единственного сохранившегося трактата по архитектуре Марк Витрувий Поллион, упоминает Нил в контексте хорошо продуманной системы локации святилищ и храмов: «если священные храмы будут строиться у рек, как, например, в Египте по обе стороны Нила, то они должны быть обращены к речным берегам» (Vitr. IV. 5. 2. Пер. Ф.А. Петровского). Учитывая, что Витрувий посвятил свой труд Августу, к которому обращено вступление, написанное в «неумеренно почтительных выражениях, превосходящих в этом отношении официальные оды Горация» [14, с. 600], ссылка на Нил как образец для подражания в строительстве храмов на берегу реки выглядит поразительной.

Луций Анней Сенека Младший один из немногих римских авторов, который прожил несколько лет в Египте, поскольку его дядя Гай Галерий был префектом Египта [56, p. 117]. В своих письмах к Луцилию он подчеркивает, как много может дать человеку путешествие: «знать другие племена, покажет горы необычайных очертаний, нехоженые пространства равнин, орошенные неиссякаемыми водами долины, или, если ты наблюдаешь, природу ка-

кой-нибудь реки, которая либо набухает от летнего паводка, как Нил, либо, как Тигр, скрывается из виду, а потом, такая же полноводная, появляется из тайников, через которые текла» (Sen. Ep. 104.15. Пер. С.А. Ошерова). Возможно, именно поэтому Сенека посещал не только Александрию, но и Верхний Египет, что позволяет предположить, что он получил достаточно впечатлений о Египте, чтобы сделать собственные выводы о египетской культуре и египтянах. Его возвращение из Египта состоялось, вероятнее всего, около 31 г. н.э. [57, p. 230–231], во всяком случае, не позднее, т.к. именно в этом году Гай Галерий погиб в кораблекрушении по пути из Египта в Рим [58, p. 62; 59, p. 43].

Что касается причин пребывания философа в Египте, то большинство исследователей сходится во мнении, что причиной тому было его слабое здоровье. Не случайно, отзываясь о своей тете (супруге Гая Галерия), он пишет: «Той благочестивым и материнским уходом я, больной в течение долгого времени, окреп» (Sen. Cons. Helv. XIX.2). Вероятнее всего, неизвестная болезнь Сенеки была связана с затрудненным дыханием, хотя отдельные исследователи считают, что Сенека на протяжении всей жизни страдал от стенокардии или сердечной астмы [59, p. 42].

Свои заметки о жизни, быте египтян, климате и географии, нравах и традициях он отразил в книге «О стране и обрядах египтян» (De situ et sacris Aegyptiorum)¹⁸, не дошедшей до наших дней (это сочинение упоминается Сервием – Serv. Aen. IV.154). Отдельные фрагменты De situ et sacris Aegyptiorum были использованы [62, с. 126] Сенекой и в другом произведении – «О природе» (Naturales quaestiones), сохранившем значительный объем сведений о Ниле.

Еще в третьей книге Сенека выделяет Нил из общей массы водных артерий, подчеркивая, что у него особая природа, единственная в своем роде (Nilum interim seponemus a turba, propriae naturae ac singularis, et illi suum diem dabimus. – Q. Nat. III.2.1). Не случайно, первая половина его IV книги *Naturales quaestiones* посвящена именно Нилу. В самом начале повествования Сенека описывает слияние нескольких водных потоков около острова Филы в одну реку, которая течет дальше под именем Нил (Q. Nat. IV.2.3), однако он путает большой остров с расположенным на нем городом с другим островом Мероз, лежащим ниже по течению [63, p. 118–123]. Случайно или нет, допустив ошибку, Сенека превращает слияние водных потоков у о-ва Филы в своеобразные ворота Египта, которые служат «символическим началом египетской цивилизации» [63, p. 120].

Прежде чем Сенека переходит к формальной критике существующих теорий, которые объясняют причины ежегодного разлива Нила (Q. Nat. IV.2.17), он кратко затрагивает вопрос о его истоках (Q. Nat. IV.2.3), при этом не предлагая читателю своего видения популярной античной «загадки»¹⁹. Описывая путь Нила, философ знакомит читателя не только с особенностями рельефа местности, но и с людьми, населяющими речную долину, а также с «чудовищными животными, которых вскармливает Нил, не уступающими морским ни по росту, ни по кровожадности» (Sic quoque, cum se ripis continet Nilus, per septena ostia in mare emittitur. – Q. Nat. IV.2.12). Акцент на нильской фауне не случаен, поскольку ее уникальность настолько впечатлила Сенеку, что он предлагает судить о Ниле только на основании этих животных.

Рассматривая верховья Нила, Сенека пишет о первой преграде на пути реки – нильских порогах, причем именно во множественном числе (Excipiunt eum Cataractae – Q. Nat. IV.2.4). В действительности севернее острова Филы располагается только Первый нильский порог²⁰, остальные находятся значительно южнее и уже за пределами Египта. Именно здесь у Первого порога разворачивается «великолепное зрелище» (nobilis insigni spectaculo locus):

«Среди прочих чудес, которые рассказывают об этой реке, я слышал о невероятной смелости тамошних жителей. Вдвоем они садятся в крохотные суденышки — один правит, другой вычерпывает воду; свирепое безумие Нила долго кружит их среди сталкивающихся друг с другом ревущих потоков, причем они умудряются держаться самой узкой линии фарватера, чтобы избежать тесно сгрудившихся подводных камней; наконец, низвергаясь вместе с рекой вниз головой, они продолжают править падающей лодкой, к величайшему ужасу зрителей, которые успевают оплакать утопленников, погребенных под такой громадой воды, прежде чем замечают их, несущихся со скоростью снаряда, уже далеко от места падения: водопад не топит их, а переносит на спокойную воду» (Q. Nat. IV.2.6. Пер. Т.Ю. Бородай).

Для Гарета Вильямса эта сцена является показательным примером гармоничных взаимоотношений человека с природой [57, р. 233], хотя еще Страбон, описывая похожий сюжет, говорит о желании местного населения произвести впечатление на римских префектов (Strabo XVII.1.49).

Сенека развивает свою мысль в рассказе о битве крокодилов с дельфинами в самом западном из рукавов Дельты Нила (Герacleотийском), которую ему поведал Тиберий Клавдий

Бабилл (Q. Nat. IV.2.13)²¹. Следом за этим рассказом он упоминает жителей Тентиры, которые, как дельфины, с презрением относятся к опасности во время охоты на крокодилов. Благодаря подобным повествовательным отступлениям в географическом описании, не сама долина Нила, а взаимосвязь местного населения с неукротимой стихией, вся культурно-географическая «экосистема» становится тем самым удивительным явлением, которое так впечатляет римлян. При этом очевидно, что Сенека разделяет представление о Ниле как об уникальном природном явлении, с общим отношением к Египту, а также некоторым его традициям. Именно поэтому он называет Египет провинцией с болтливым и постоянно оскорбляющим своих префектов населением (Cons. Helv. 12(11). 19. 6), а Каноп – город в устье Нила, место отдыха жителей Александрии, он именуется не иначе как «курортом порока» (deversorium vitiorum. – Ep. LI. 3), попутно добавляя устоявшийся стереотип о предательском характере египтян в связи с убийством Помпея (Brev. Vit. X. 13. 7) [65; 66].

Как мы уже видели, Лукан непреклонен в своем стремлении обвинить Нил в самом страшном, по его мнению, преступлении против римского народа. Однако нельзя судить об образе Нила в произведении Лукана только на основании политизированных пассажей, направленных на восхваление идеалов старого республиканского строя, суть которых сводилась к неприятию любых имперских устремлений и амбиций правителей Рима в целом и Нерона в частности.

Одним из первых «нейтральных» эпизодов, в которых Лукан упоминает Нил, является рассказ о форсировании Сикора войсками Цезаря (IV.130–135). Описывая, как римские солдаты сплели из ивовых прутьев небольшие лодки, Лукан сравнивает их с легкими мемфисскими челноками, которые скользят сквозь заросли папируса (IV.136–137). Как уже неоднократно отмечалось в историографии [67, р. 88; 68, р. 142; 69, s. 256], этот сюжет очень напоминает отрывок из описания расписанных лодок у Вергилия в «Георгиках» (...et circum pictis vehitur sua rura phaselis – Georg. IV. 287–289). Л. Томпсон и Р. Брюер [70, р. 154] в качестве основополагающего мотива заимствования сюжета Вергилия видят желание Лукана внести ясность и подчеркнуть не только египетское происхождение подобных плавсредств: у Вергилия тростниковые лодки есть только в Египте, а Лукан упоминает также венетов и британцев.

Во II книге Лукан сравнивает различные италийские реки, впадающие в Адриатическое море (II.400–409), подчеркивая величие самой

значимой из них – Эридана (совр. По). Безусловно, именно Сенека был в этом вопросе источником Лукана. Он так же, как и Лукан, несколько раз сравнивает Нил с Дунаем (Q. Nat. III. 22, IV.1.1), но, в отличие от последнего, делает это без использования вымышленных преувеличений в отношении По:

«Философы утверждали, что Данубий по природе своей похож на Нил, потому что-де и истоки его неизвестны и воды в нем летом больше, чем зимой» (Q. Nat. IV.1.1. Пер. Т.Ю. Бородай).

Как верно отмечает Э. Манолараки [26, р. 65], читательская аудитория Лукана, безусловно, была осведомлена о том, что в мире есть и более значительные водные артерии, однако Лукан сознательно пренебрегает общепризнанными в античном мире географическими представлениями и с помощью риторического преувеличения²² превращает По в более великую реку, чем Дунай или Нил (Luc. II.415–419). Лукан настаивает на том, что Нил только кажется больше По, поскольку он разливается в долине в период половодья, а Дунай выглядит значительнее исключительно благодаря своим многочисленным притокам, которые, по его мнению, нельзя считать частью реки²³. Это мифическое первенство По символически подчеркивает превосходство Италии над варварскими землями, по территории которых протекают Дунай и Нил.

Подводя итог, отметим, что римские авторы были хорошо знакомы с тематическими предпочтениями своей аудитории, а потому при обращении к теме Нила опирались на наиболее популярные сюжеты, которые могли эту аудиторию заинтересовать. Отсюда проистекает и неоднородное распределение их внимания к различным географическим районам Египта. Наибольший интерес представляли Верхний Египет, а именно район современного Асуана и первые Нильские пороги, а также поиск скрытых источников Нила в Нубии и Эфиопии. Подобные сюжетные линии не выглядят удивительными, учитывая, что Нил в целом считался чудом природы [49, р. 227], а интерес к его экзотическим районам внушал благоговение перед масштабным природным явлением. Римские авторы практически игнорируют тихое, размеренное течение Нила по прямой через Нижний Египет, но при этом и Сенека, и Лукан в стилистически возвышенном ключе описывают, как Нил прорывается сквозь камни Первого порога. Еще одним природным явлением, оказавшимся в центре внимания римских авторов, стал разлив Нила, причем не по всей долине реки, а в ее дельте.

Исследуя зависимость образа Нила в римской литературе от исторических событий, необходимо четко понимать, что в этом случае у авторов восприятие географического пространства Нила происходит опосредованно, т.е. с опорой, скорее, не на личные впечатления от созерцания окружающего мира, а на определенный литературный и политический (идеологический) «базис». В исследуемый период, особенно в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., данная тенденция отчетливо превалирует.

В целом представления о Ниле в римской литературе эпохи Юлиев-Клавдиев носят противоречивый характер. С одной стороны, Нил становится экзотическим пространством, которое, в свою очередь, является частью воображаемого (фантазийного) Египта, восхищавшего римлян. Они проявляли интерес не только к Нилу как к уникальному природному явлению, повлиявшему на религиозные воззрения египтян [64], но и к многообразной, неповторимой египетской культуре. С другой стороны, насыщенная значимыми политическими событиями эпоха Второго триумvirата и захват Египта войсками Октавиана не могли не отразиться на римской литературе. Гиперболизация опасности, исходившей от Египта для Рима, являлась в том числе попыткой преувеличить значимость победы Августа. В рамках новой имперской идеологии Нил персонифицируется со злейшим врагом Рима – Клеопатрой, становясь воинственным началом, несущим угрозу Риму. Именно поэтому поэты и прозаики эпохи во многом повторяли сложившиеся еще на закате республиканского периода негативные штампы в отношении Египта [19, р. 100; 72, р. 198]: убийство Помпея, связь Клеопатры с Антонием, причудливое поклонение животным [53, р. 1885–1895], образ египтян как трусливых варваров и т.д. Однако все эти *cliché* в конечном счете способствовали популяризации египетской тематики, связанной с Нилом, что нашло свое отражение в так называемых Нильских сценах.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Примечания

1. Egyptum imperio populi Romani adieci.
2. О литературном покровительстве в период поздней Республики и ранней Империи см. [11, р. 3–27; 12, р. 50–66; 13].
3. omnigenumque deum monstra et latrator Anubis.
4. Этот же эпизод смерти Клеопарты похожим образом описан и у Проперция, который называет

Нил «смятенным» (Eleg. III. 11. 51), и в «Поэме об Актийской войне», дошедшей в отрывках на папирусе из Геркуланума – *rand[et i[t]er totoque tibi v[agus] a[e]quor[e] Nilus* (PНerc. 817.8).

5. Пел бы Египет и Нил, который, во град приведенный, в изнеможении нес семь своих скованных вод (пер. Л.Е. Остроумова).

6. Об имперских замыслах в отношении нильских экспедиций см. [28–32].

7. Здесь же Лукан пишет и о Восточной границе Египта, выходящей к Красному морю (Luc. VIII.853).

8. Вопреки тому, что многие античные авторы указывали на использование топонима Нил исключительно для той части реки, которая находится в самом Египте: Sen. Nat. VI.2.3; Mela I.50; Vit. VIII.2.6.

9. О пересечении пространства и времени см. [33–35].

10. Об эмоциональной составляющей в поэме Лукана см. [36; 31].

11. Парадоксальное, на первый взгляд, отсутствие негативных характеристик жителей долины Нила и самой реки было отмечено в целом ряде исследований [38, p. 189; 26, p. 33]

12. Смуглые инды – эфиопы.

13. См. также [39–42].

14. συλλήβδην δ' εἰπεῖν, ἡ ποταμία μόνον ἐστὶν Αἴγυπτος ἢ ἐκατέρωθεν ἐσχάτη τοῦ Νεῖλου, σπάνιον εἶ που τριακοσίων σταδίων ἐπέχουσα συνεχῶς πλάτος τὸ οἰκήσιμον ἀρξαμένη ἀπὸ τῶν ὄρων τῆς Αἰθιοπίας μέχρι τῆς κορυφῆς τοῦ Δέλτα.

15. Питер Нокс [46, p. 204–206] считает, что данная элегия была написана в 29 г. до н.э., мотивируя это тем, что Тибулл перестал писать гимны египетским богам после того, как в 28 г. до н.э. Октавиан запретил проведение египетских церемоний в пределах померия (Cass. Dio. LIII. 2. 4).

16. Barbara, Memphiten plangere docta bovem.

17. О римском «шовинизме» и уничижительном значении слова barbarus на материале произведений Цицерона, Цезаря и Саллюстия см. работы В.О. Никишина [50; 51].

18. Другой вариант названия этой работы – «De ritu et sacris Aegyptiorum», см. [60, с. 30; 61, p. 1932].

19. В античности было несколько наиболее популярных объяснений причин возникновения разлива Нила. Приведем некоторые из них: 1) таяние снегов на вершинах эфиопских гор (т.е. гор в центральной Африке); 2) обильные дожди в Эфиопии; 3) ежегодное таяние снега в горах Эфиопии под воздействием ветров, которые дуют с севера на юг; 4) подъем грунтовых вод в истоках Нила. Подробнее см. [64].

20. Лукан вслед за Сенекой фактически повторяет это описание (Luc. X.313–322).

21. Ср. аналогичный рассказ у Плиния Старшего (Plin. NH. VIII.91) и у Аммиана Марцеллина (Amm. XXII.16.18).

22. Гиперболизация свойственна и другим сюжетам Лукана. См. [71, p. 158–163].

23. Сравнение Дуная и Нила является популярным античным топосом: Hrdt. II.33–34; Mela II.8; Hor. Carm. IV.14.45–50; Gell. NA. X.7; Sen. Nat. III.22, IV.1.1.

Список литературы

1. Wallman P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten*

Triumvirat (43–30 v. Chr.). Frankfurt: P. Lang, 1989. 364 s.

2. Циркин Ю.Б. *Гражданские войны в Риме. Победенные*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 314 с.

3. Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.–Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. 442 с.

4. Чисталев М.С. *Египет и Рим*. М.: Вече, 2019. 319 с.

5. Tyldesley J.A. *Cleopatra: Last Queen of Egypt*. L.: Profile Books, 2009. 290 p.

6. Lambrechts P. *Augustus en de Egyptische Godsdienst*. Brussel: Paleis der Academiën, 1956. 35 p.

7. Reinhold M. *Roman Attitudes toward Egyptians* // *The Ancient World*. 1980. Vol. 3. P. 97–103.

8. Dundas G. *Augustus and the Kingship of Egypt* // *Historia*. 2002. 51. P. 433–448.

9. Шифман И.Ш. *Цезарь Август*. Л.: Наука, 1990. 198 с.

10. Little D. *Politics in Augustan Poetry* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 30.1. B.–N. Y., 1982. P. 254–370.

11. Williams G.W. *Phases in political patronage of literature in Rome* // *Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome* / Ed. B.K. Gold. Austin: University of Texas Press, 1982. P. 3–27.

12. White P. *Positions for poets in early imperial Rome* // *Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome* / Ed. B.K. Gold. Austin: University of Texas Press, 1982. P. 50–66.

13. Gold B.K. *Literary Patronage in Greece and Rome*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987. 267 p.

14. Машкин Н.А. *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. М.–Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 687 с.

15. Wilson M. *Paragon or Monster: Images of Powerful Women in Ancient Rome* // *John C. Young Scholars Journal*. 2002. P. 2–27.

16. Maehler H. *Roman Poets on Egypt* // *Ancient Perspective on Egypt* / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L.: UCL, 2003. P. 203–216.

17. Петровский Ф.А. *Марк Анней Лукан и его поэма о гражданской войне* // *Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне*. М.: Ладомир – Наука, 1993. С. 251–300.

18. Cesaretti M.P. *Nerone e l'Egitto. Messaggio politico e continuità culturale*. Bologna: CLUEB, 1989. 120 p.

19. Roche P. *Lucan De bello Civili Book I*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 418 p.

20. Holmes N.P. *Nero and Caesar* // *Classical Philology*. 1999. Vol. 94. P. 75–81.

21. Dewar M. *Laying it on with a Trowel: The Problem to Lucan and Related Texts* // *Classical Quarterly*. 1994. Vol. 44. P. 199–211.

22. Hunink V. *Lucan's Praise of Nero* // *Papers of the Leeds International Latin Seminar*. 1993. Vol. 7. P. 135–140.

23. Turner A.J. *Lucan's Cleopatra* // *Private and Public Lies. The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World* / Ed. A.J. Turner, J.H. Kim On

- Chong-Gossard, F.J. Vervaeet. Leiden: Brill, 2010. P. 195–209.
24. Walde C. Per un'idrologia poetica: fiumi e acque nella Pharsalia di Lucano // *Doctus Lucanus: aspetti dell'erudizione nella Pharsalia di Lucano* / Ed. L. Landolfi, P. Monella. Bologna: Pàtron, 2007. P. 13–48.
25. Romm J.S. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1994. 228 p.
26. Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. B.: De Gruyter, 2013. 379 p.
27. Louis E. Lord. The Date of Julius Caesar's Departure from Alexandria // *The Journal of Roman Studies*. 1938. Vol. 28. Part. 1. P. 19–40.
28. Barrenechea F. Didactic Aggressions in the Nile Excursus of Lucan's *Bellum Civile* // *American Journal of Philology*. 2010. Vol. 131. P. 259–284.
29. Elmer D.F. Heliodorus' «Sources»: Intertextuality, Paternity, and the Nile River in the *Aithiopia* // *Arethusa*. 2008. Vol. 138. P. 411–450.
30. Vasunia P. The Gift of the Nile: Hellenizing Egypt from Aeschylus to Alexander. Berkeley: University of California press, 2000. 346 p.
31. D'Alessandro Behr F. Feeling History. Lucan, Stoicism, and the Poetics of Passion. Columbus: Ohio State University Press, 2007. 259 p.
32. Galtier F.L. *Épopée brisée d'Alexandre le Grand dans le Bellum Civile de Lucain (Pharsale X, 20–52) // Neronia VII. Rome, l'Italie et la Grèce. Hellenisme et philhellénisme au premier siècle après J.-C. Actes du VIIe Colloque international de la SIEN (Athènes, 21–23 octobre 2004)* / Ed. Y.Y. Perrin. Brussels: Éditions Latomus, 2007. P. 302–311.
33. Clarke K. Text and Image. Mapping the Roman World // *Conceiving the Empire: China and Rome Compared* / Ed. F.–H. Mutschler, A. Mittag. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 195–215.
34. Engels J. Geography and History // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2007. P. 541–552.
35. Clarke K. *Between Geography and History: Hellenistic Constructions of the Roman World*. New York: Oxford University Press, 1999. 407 p.
36. Asso P. The Intrusive Trope–Apostrophe in Lucan // *Calida Musa: Papers on Latin Literature in Honor of R. Elaine Fantham* / Ed. R. Ferri, J.M. Seo, K. Volk. Pisa: Fabrizio Serra, 2009. P. 161–173.
37. Ахиев С.Н. Политическая пропаганда времени Второй гражданской войны в Риме, 49–30 гг. до н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский госуд. ун-т, 2001. 292 с.
38. Nappa C. Reading after Actium: Vergil's Geographics, Octavian, and Rome. Ann Arbor: University of Michigan press, 2005. 293 p.
39. Dueck D. Strabo of Amasia: A Greek Man of Letters in Augustan Rome. London: Routledge, 2011. 238 p.
40. Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia / Ed. D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 286 p.
41. Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // *Journal of comparative poetics*. 2004. Vol. 24. P. 34–67.
42. Yoyotte J., Charvet P., Char M.-C., Gompertz S. *Le voyage en Égypte: un regard romain*. Paris: Nil Éditions, 1997. 313 p.
43. Стратановский Г.А. Страбон и его «География» // *Страбон. География в 17 книгах*. М.: Ладомир, 1994. С. 775–790.
44. Bowditch P.L. Tibullus and Egypt: A postcolonial reading of *Elegy 1.7* // *Arethusa*. 2011. Vol. 44(1). P. 89–122.
45. Merkelbach R. *Isis Regina – Zeus Sarapis: die Griechisch-Ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt*. Stuttgart: B.G. Teubner, 1995. 722 s.
46. Knox P.E. Milestones in the Career of Tibullus // *Classical Quarterly*. 2005. Vol. 55.1. P. 204–216.
47. Putnam M.C.J. *Tibullus: a Commentary*. Oklahoma: University of Oklahoma, 1987. 210 p.
48. Lambert M. Tibullus 1.7: A Question of Tact? // *Literature, Art, History: Studies on Classical Antiquity and Tradition in Honour of W. J. Henderson* / Ed. A.F. Basson, W.J. Dominik. Bern: Peter Lang Publishing, 2003. P. 47–60.
49. Schrijvers P.H. A Literary View on the Nile Mosaic at Praeneste // *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World. Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis studies, Faculty of Archaeology, Leiden University, May 11–14 2005* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 223–239.
50. Никишин В.О. «Национальный вопрос» в произведениях Тацита // *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ*. М.: Эко-Пресс, 2001. Вып. IV. С. 93–108.
51. Никишин В.О. Эллинский шовинизм в архаическую и классическую эпохи: возникновение и развитие // *Труды кафедры древних языков: к 50-летию кафедры*. М.–СПб.: Алетейя, 2000. С. 46–51.
52. Dauge Y.A. *Le barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation*. Brussels: Latomus, 1981. 859 p.
53. Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. B.–N.Y.: Walter de Gruyter, 1984. P. 1852–2000.
54. Hardie P.R. *Ovid's Poetics of Illusion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 365 p.
55. Hardie P.R. *The Cambridge Companion to Ovid*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 408 p.
56. Williams G.D. *The Cosmic Viewpoint: A Study of Seneca's Natural Questions*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 392 p.
57. Williams G.D. Reading the Waters. Seneca on the Nile in *Natural Questions, Book 4 A* // *Classical Quarterly*. 2008. Vol. 58. P. 218–242.
58. Wilson E.R. *The Greatest Empire: A Life of Seneca*. NY.: Oxford University Press, 2018. 253 p.
59. Griffin M.T. *Seneca: a philosopher in politics*. NY.: Oxford University Press, 2003. 504 p.
60. Качнельсон И.С. Античные писатели о Нубии // *Палестинский сборник*. Вып. 7 (70) / Отв. ред.

Н.В. Пигулевская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 15–34.

61. Lausberg M. Senecae operum fragmenta: Überblick und Forschungsbericht // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 36.3. B.–N. Y.: Walter de Gruyter, 1989. P. 1879–1961.

62. Грималь П. Сенека, или Совесть империи. М.: Мол. гвардия, 2003. 349 с.

63. Jackson R.B. At Empire's Edge: Exploring Rome's Egyptian Frontier. New Haven-London: Yale University Press, 2002. 320 p.

64. Postl B. Die Bedeutung des Nil in der römischen Literatur. Mit besonderer Berücksichtigung der wichtigsten griechischen Autoren. Wien: Verlag Notring, 1970. 287 s.

65. André J.–M. Sénèque et l'Égypte: esquisse d'un bilan // Revue des études latines. 2003. Vol. 81. P. 174–189.

66. Hine H.M. Rome, the Cosmos, and the Emperor in Seneca's «Natural Questions» // The Journal of Roman Studies. 2006. Vol. 96. P. 42–72.

67. Esposito P. La battaglia di Ilerda: saggio di commento a Lucan. B.C. 4.1–401. Portici: Professional Copy Service, 2003. 198 p.

68. Asso P. A Commentary on Lucan De Bello Civili IV. B.: Walter de Gruyter GmbH, 2010. 333 p.

69. Kimmerle N. Lucan and der Prinzipat: Inkonsistenz und unzuverlässiges Erzählen im «Bellum Civile». B.: Walter de Gruyter GmbH, 2015. 344 s.

70. Thompson L., Bruère R.T. The Virgilian Background of Lucan's Fourth Book // Classical Philology. 1970. Vol. 65. P. 152–172.

71. Masters J.M. Deceiving the Reader: The Political Mission of Lucan Bellum Civile 7 // Reflections of Nero: Culture, History, and Representation. Ed. J. Elsner, J.Masters. Chapel Hill: University of North Carolina Press. P. 151–177.

72. Berthelot K. The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' Against Apion // Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999 / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000. P. 185–221.

**‘NE POPULUS POST TE NILUM ROMANUS AMARET’:
ABOUT THE POLITICAL BACKGROUND OF THE PERCEPTION OF THE IMAGE OF THE NILE
IN ROMAN LITERATURE OF THE JULIO-CLAUDIAN EPOCH**

M.S. Chistalev

This paper considers the dependence of the image of the Nile in Roman literature on the historical events of the end of the I century BC. It is noted that view of the Nile was contradictory: on the one hand, the Nile becomes an exotic space, which in turn is part of an imaginary (fantasy) Egypt that admired the Romans, on the other hand, within the framework of the new imperial ideology, the Nile is personified with the worst enemy of Rome – Cleopatra, becoming a warlike principle that threatens Rome. The author comes to the conclusion that the Roman authors perceive the geographical space of the Nile indirectly, i.e. based rather not on personal impressions from the contemplation of the surrounding world, but based on a certain literary and political (ideological) «basis». During the period under study, especially at the end of the I century BC. - the beginning of the I century AD, this trend clearly prevails.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, Nile, Roman literature, Egyptian culture, perception of foreign culture.

References

1. Wallman P. Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43-30 v. Chr.). Frankfurt: P. Lang, 1989. 364 s.

2. Cirkin Yu.B. Grazhdanskije vojny v Rime. Po-bezhdennye. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Izd-vo SPbGU, 2006. 314 s.

3. Mezherickij Ya.Yu. «Respublikanskaya monarhiya»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta. M.–Kaluga: Izd-vo KGPU, 1994. 442 s.

4. Chistalev M.S. Egipet i Rim. M.: Veche, 2019. 319 s.

5. Tyldesley J.A. Cleopatra: Last Queen of Egypt. L.: Profile Books, 2009. 290 p.

6. Lambrechts P. Augustus en de Egyptische Godsdienst. Brussel: Paleis der Academiën, 1956. 35 p.

7. Reinhold M. Roman Attitudes toward Egyptians // The Ancient World. 1980. Vol. 3. P. 97–103.

8. Dundas G. Augustus and the Kingship of Egypt // Historia. 2002. 51. P. 433–448.

9. Shifman I.Sh. Cezar' Avgust. L.: Nauka, 1990. 198 s.

10. Little D. Politics in Augustan Poetry // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 30.1. B.–N. Y., 1982. P. 254–370.

11. Williams G.W. Phases in political patronage of literature in Rome // Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome / Ed. B.K. Gold. Austin: University of Texas Press, 1982. P. 3–27.

12. White P. Positions for poets in early imperial Rome // Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome / Ed. B.K. Gold. Austin: University of Texas Press, 1982. P. 50–66.

13. Gold B.K. Literary Patronage in Greece and Rome. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987. 267 p.

14. Mashkin N.A. Principat Avgusta. Prois-hozhdenie i social'naya sushchnost'. M.–L.: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1949. 687 s.

15. Wilson M. Paragon or Monster: Images of Powerful Women in Ancient Rome // John C. Young Scholars Journal. 2002. P. 2–27.

16. Maehler H. Roman Poets on Egypt // Ancient Perspective on Egypt / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L.: UCL, 2003. P. 203–216.

17. Petrovskij F.A. Mark Annej Lukan i ego poema o grazhdanskoj vojne // Mark Annej Lukan. Farsaliya, ili Poema o grazhdanskoj vojne. M.: Lodomir – Nauka, 1993. S. 251–300.
18. Cesaretti M.P. Nerone e l'Egitto. Messaggio politico e continuità culturale. Bologna: CLUEB, 1989. 120 p.
19. Roche P. Lucan De bello Civili Book I. Oxford: Oxford University Press, 2009. 418 p.
20. Holmes N.P. Nero and Caesar // *Classical Philology*. 1999. Vol. 94. P. 75–81.
21. Dewar M. Laying it on with a Trowel: The Proem to Lucan and Related Texts // *Classical Quarterly*. 1994. Vol. 44. P. 199–211.
22. Hunink V. Lucan's Praise of Nero // *Papers of the Leeds International Latin Seminar*. 1993. Vol. 7. P. 135–140.
23. Turner A.J. Lucan's Cleopatra // *Private and Public Lies. The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World* / Ed. A.J. Turner, J.H. Kim On Chong-Gossard, F.J. Vervaeke. Leiden: Brill, 2010. P. 195–209.
24. Walde C. Per un'idrologia poetica: fiumi e acque nella Pharsalia di Lucano // *Doctus Lucanus: aspetti dell'erudizione nella Pharsalia di Lucano* / Ed. L. Landolfi, P. Monella. Bologna: Patron, 2007. P. 13–48.
25. Romm J.S. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1994. 228 p.
26. Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. B.: De Gruyter, 2013. 379 p.
27. Louis E. Lord. The Date of Julius Caesar's Departure from Alexandria // *The Journal of Roman Studies*. 1938. Vol. 28. Part. 1. P. 19–40.
28. Barrenechea F. Didactic Aggressions in the Nile Excursus of Lucan's *Bellum Civile* // *American Journal of Philology*. 2010. Vol. 131. P. 259–284.
29. Elmer D.F. Heliodorus' «Sources»: Intertextuality, Paternity, and the Nile River in the *Aithiopika* // *Arethusa*. 2008. Vol. 138. P. 411–450.
30. Vasunia P. The Gift of the Nile: Hellenizing Egypt from Aeschylus to Alexander. Berkeley: University of California press, 2000. 346 p.
31. D'Alessandro Behr F. Feeling History. Lucan, Stoicism, and the Poetics of Passion. Columbus: Ohio State University Press, 2007. 259 p.
32. Galtier F.L. *Épopée brisée d'Alexandre le Grand dans le Bellum Civile de Lucain (Pharsale X, 20–52)* // *Neronia VII. Rome, l'Italie et la Grèce. Hellénisme et philhellénisme au premier siècle après J.-C. Actes du VIIe Colloque international de la SIEN (Athènes, 21–23 octobre 2004)* / Ed. Y.Y. Perrin. Brussels: Éditions Latomus, 2007. P. 302–311.
33. Clarke K. Text and Image. Mapping the Roman World // *Conceiving the Empire: China and Rome Compared* / Ed. F.–H. Mutschler, A. Mittag. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 195–215.
34. Engels J. Geography and History // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2007. P. 541–552.
35. Clarke K. *Between Geography and History: Hellenistic Constructions of the Roman World*. New York: Oxford University Press, 1999. 407 p.
36. Asso P. The Intrusive Trope–Apostrophe in Lucan // *Calida Musa: Papers on Latin Literature in Honor of R. Elaine Fantham* / Ed. R. Ferri, J.M. Seo, K. Volk. Pisa: Fabrizio Serra, 2009. P. 161–173.
37. Ahiev S.N. Politicheskaya propaganda vremeni Vtoroj grazhdanskoj vojny v Rime, 49–30 gg. do n.e.: Diss. ... kand. ist. nauk. Saratov: Saratovskij gosud. un-t, 2001. 292 s.
38. Nappa C. Reading after Actium: Vergil's *Georgics*, Octavian, and Rome. Ann Arbor: University of Michigan press, 2005. 293 p.
39. Dueck D. Strabo of Amasia: A Greek Man of Letters in Augustan Rome. London: Routledge, 2011. 238 p.
40. Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia / Ed. D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 286 p.
41. Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // *Journal of comparative poetics*. 2004. Vol. 24. P. 34–67.
42. Yoyotte J., Charvet P., Char M.-C., Gompertz S. *Le voyage en Égypte: un regard romain*. Paris: Nil éditions, 1997. 313 p.
43. Stratanovskij G.A. Strabon i ego «Geografiya» // *Strabon. Geografiya v 17 knigah*. M.: Lodomir, 1994. S. 775–790.
44. Bowditch P.L. Tibullus and Egypt: A postcolonial reading of *Elegy 1.7* // *Arethusa*. 2011. Vol. 44(1). P. 89–122.
45. Merkelbach R. *Isis Regina – Zeus Sarapis: die Griechisch-Ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt*. Stuttgart: B.G. Teubner, 1995. 722 s.
46. Knox P.E. Milestones in the Career of Tibullus // *Classical Quarterly*. 2005. Vol. 55.1. P. 204–216.
47. Putnam M.C.J. *Tibullus: a Commentary*. Oklahoma: University of Oklahoma, 1987. 210 p.
48. Lambert M. *Tibullus 1.7: A Question of Tact?* // *Literature, Art, History: Studies on Classical Antiquity and Tradition in Honour of W. J. Henderson* / Ed. A.F. Basson, W.J. Dominik. Bern: Peter Lang Publishing, 2003. P. 47–60.
49. Schrijvers P.H. A Literary View on the Nile Mosaic at Praeneste // *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World. Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis studies, Faculty of Archaeology, Leiden University, May 11–14 2005* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 223–239.
50. Nikishin V.O. «Nacional'nyj vopros» v proizvedeniyah Tacita // *Drevnij Vostok i antichnyj mir. Trudy kafedry istorii Drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU*. M.: Eko-Press, 2001. Vyp. IV. S. 93–108.
51. Nikishin V.O. Ellinskij shovinizm v arhaicheskuyu i klassicheskuyu epohi: vzniknovenie i razvitie // *Trudy kafedry drevnih yazykov: k 50-letiyu kafedry*. M.–SPb.: Aletejya, 2000. S. 46–51.
52. Dauge Y.A. *Le barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation*. Brussels: Latomus, 1981. 859 p.
53. Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demoted Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity and the ancient conception of Egypt // *Aufstieg und Niedergang*

der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. B.–N.Y.: Walter de Gruyter, 1984. P. 1852–2000.

54. Hardie P.R. *Ovid's Poetics of Illusion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 365 p.

55. Hardie P.R. *The Cambridge Companion to Ovid*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 408 p.

56. Williams G.D. *The Cosmic Viewpoint: A Study of Seneca's Natural Questions*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 392 p.

57. Williams G.D. *Reading the Waters. Seneca on the Nile in Natural Questions, Book 4 A* // *Classical Quarterly*. 2008. Vol. 58. P. 218–242.

58. Wilson E.R. *The Greatest Empire: A Life of Seneca*. NY.: Oxford University Press, 2018. 253 p.

59. Griffin M.T. *Seneca: a philosopher in politics*. NY.: Oxford University Press, 2003. 504 p.

60. Kacnel'son I.S. *Antichnye pisateli o Nubii* // *Pal'estinskij sbornik. Vyp. 7 (70) / Otv. red. N.V. Pigulevskaya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 15–34.*

61. Lausberg M. *Senecae operum fragmenta: Überblick und Forschungsbericht* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 36.3. B.–N. Y.: Walter de Gruyter, 1989. P. 1879–1961.*

62. Grimal' P. *Seneka, ili Sovest' imperii*. M.: Mol. gvardiya, 2003. 349 s.

63. Jackson R.B. *At Empire's Edge: Exploring Rome's Egyptian Frontier*. New Haven-London: Yale University Press, 2002. 320 p.

64. Postl B. *Die Bedeutung des Nil in der römischen Literatur. Mit besonderer Berücksichtigung der wichtigsten griechischen Autoren*. Wien: Verlag Notring, 1970. 287 s.

65. André J.–M. *Sénèque et l'Égypte: esquisse d'un bilan* // *Revue des études latines*. 2003. Vol. 81. P. 174–189.

66. Hine H.M. *Rome, the Cosmos, and the Emperor in Seneca's «Natural Questions»* // *The Journal of Roman Studies*. 2006. Vol. 96. P. 42–72.

67. Esposito P. *La battaglia di Ilerda: saggio di commento a Lucan. B.C. 4.1–401*. Portici: Professional Copy Service, 2003. 198 p.

68. Asso P. *A Commentary on Lucan De Bello Civili IV*. B.: Walter de Gruyter GmbH, 2010. 333 p.

69. Kimmerle N. *Lucan und der Prinzipat: Inkonsistenz und unzuverlässiges Erzählen im «Bellum Civile»*. B.: Walter de Gruyter GmbH, 2015. 344 s.

70. Thompson L., Bruère R.T. *The Virgilian Background of Lucan's Fourth Book* // *Classical Philology*. 1970. Vol. 65. P. 152–172.

71. Masters J.M. *Deceiving the Reader: The Political Mission of Lucan Bellum Civile 7* // *Reflections of Nero: Culture, History, and Representation*. Ed. J. Elsner, J.Masters. Chapel Hill: University of North Carolina Press. P. 151–177.

72. Berthelot K. *The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' Against Apion* // *Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999* / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000. P. 185–221.